

Европа в войнах кризиса порядка

«Проблемы, связанные с Ближним Востоком, лучше известны в Париже и Лондоне, чем в Вашингтоне. В отношении религиозных и политических сил в регионе Франция и Англия имеют опыт многих поколений. Аналогичным образом, Мадрид обладает ещё более глубоким, хотя и ограниченным, пониманием арабского менталитета. Тем не менее, или скорее именно поэтому ни одно европейское правительство, не говоря уже о Европейском сообществе, никогда не заявляло, что Запад может предложить решение ближневосточной проблемы. Европа знает, что последним гарантом прочного мира в большей части региона было правление Османской империи, но она также знает, что такое правление было бы столь же морально несостоятельным сегодня, сколь и неисполнимым на практике. Две великие административные державы, Османская и Габсбургская, были окончательно разрушены Первой мировой войной, и любые притязания на осуществление подобной власти над Ближним и Средним Востоком или Балканами сегодня – всего лишь выдача желаемого за действительное».

Это было написано Гельмутом Шмидтом в мемуарах “Menschen & Mächte” (“Люди и силы”) опубликованных в 1987 году. Он – историческая фигура немецкой политики: был министром обороны и министром финансов и, наконец, канцлером с 1974 по 1982 год.

Шмидт яростно критикует политику США в этом регионе, которую проводил Джимми Картер и его советник по безопасности Збигнев Бжезинский, и в целом *«наивный оптимизм»* американской политической культуры исключительности.

После войны 1973 года умиротворение между Каиром и Тель-Авивом, кульминацией которого стал визит Анвара Садата в израильский парламент в 1977 году и Кэмп-Дэвидские соглашения сентября 1978 года, по мнению Шмидта, было несбалансированным в пользу Израиля и оставило Египет в *«тяжёлой изоляции»* по отношению к другим арабским и мусульманским державам. Ощущение опасности вокруг Садата, убитого в 1981 году, было заметно сразу.

В Иране Вашингтон полагался исключительно на Резу Пехлеви. Взрыв нефтяных доходов подтолкнул его к *«несвоевременному процессу индустриализации»*, заставив страну создавать предприятия, *«превышающие её реальные возможности»*, в то время как оппозиция была *«жестoko подавлена»*. Когда в январе 1979 года шах покинул Иран и монархию сменил режим аятоллы Рухоллы Хомейни, США внезапно пришлось *«полностью пересмотреть свою средневосточную стратегию»*, ища новые точки опоры.

Страхи, вызванные вторжением СССР в Афганистан в декабре 1979 года, *«обернулись в пользу США»*, но и здесь реакция администрации Картера была, по мнению Шмидта, *«несвоевременной»*, с претензией наказать Москву, *«не имея, однако, ни соответствующих средств, ни одобрения стран-союзников»*.

США упрощённо называли *«международным терроризмом»* любые действия палестинцев против израильской военной оккупации и не знали *«исторических традиций и религиозного менталитета»*, из которых проистекает исламистский экстремизм; американская перспектива, *«грандиозно паря»* над клубком этнических, религиозных и экономических противоречий, была вынуждена игнорировать, что *«регион между Кипром и Курдистаном, между Голубым Нилом и Хайберским перевалом – это плавильный котёл серьёзных нерешённых и неразрешимых проблем»*.

Европейские правительства не вмешивались в политику Генри Киссинджера, Картера и Рональда Рейгана в регионе *«хотя бы потому, что у них не было необходимых военных и экономических средств»*; однако они с опаской следили за *«непоследовательной и отчасти недальновидной политикой Вашингтона»*. С другой стороны, влияние Москвы уже нельзя было полностью устранить, поэтому европейцы должны были стремиться к её сдерживанию, *«при этом сохраняя определённые оговорки»*. Последствия расширения конфликта или взрыва в регионе, кроме того, тревожили и Кремль, *«где страх перед терроризмом [был] равен тому, который испытывал Белый дом»*.

Европейцы были *«в основном согласны с США»*; они знали, что *«должны рассчитывать на поддержку Вашингтона в отстаивании своих жизненно важных интересов»*, а тот, в свою очередь, *«должен был знать, что нуждается в европейской помощи»*. Но в силу исторического опыта *«европейцы сохраняли определённую дистанцию по отношению к*

американской политике, которая часто была нестабильной и в основном основывалась на надеждах».

В заключение отметим, что Шмидт обосновывает игру Европы вторым номером в этом регионе тем, что у неё в силу военно-политической ограниченности не оставалось иных вариантов. Это было постоянной чертой его стратегического мышления, причём не только на средневосточной шахматной доске.

(продолжение на стр. 2)

Декабрь 2023 г.